

Евгения! — Женя вздрогнула, оторвалась от своей корректуры и подняла голову.

Софья Петровна строго смотрела на нее поверх очков.

— Евгения, — повторила она недовольным, как обычно, голосом. — Нужно на склад сходить. Нужно принести Роману Васильевичу две пачки. Ну, ты знаешь.

Роман Васильевич, их постоянный автор, унылый и занудный тип лет пятидесяти с зачесанными на лысину жидкими волосами, бросил на Женю тусклый взгляд. Точнее, не на нее, а сквозь нее. Женю он принципиально не замечал, видимо, считал ее предметом офисной мебели или оргтехники. Перед ним лежала коробка дешевых конфет — он каждый раз приносил такую Софье Петровне, это называлось у него «подсластить жизнь». Коробки были всегда одинаковые — видно, купил по случаю целую партию. Наверняка конфеты давно засохли.

— Почему я? — проговорила Женя, уже зная ответ. — У меня еще работа не закончена!

— У всех работа! — сухо ответила Софья Петровна. — Кроме того, у Настасьи Ильиничны,

как ты знаешь, радикулит, у Леры сосудистая дистония, а у меня... — она не закончила фразу, громко закашлявшись. Ну да, у нее то ли хронический бронхит, то ли трахеит, то ли еще что-то в этом роде.

Женя вздохнула и поднялась. Она знала, что все равно придется идти, и лениво отбивалась без надежды на успех, скорее по привычке. И еще она отлично знала, в чем настоящая причина того, что никто из ее коллег не хочет идти на склад. В том, что при этом волей-неволей придется пройти через Третий Цех.

Женя вздохнула, взяла в углу тележку, вышла в коридор, огляделась по сторонам.

Возле лифта, прямо под табличкой «курение запрещено», курил охранник из «Алиби» Георгий. Увидев Женю с тележкой, Георгий плотоядно ухмыльнулся и проговорил:

— Что, опять на склад?

Женя взглянула на него исподлобья — зачем спрашивать? Что, так не видно?

А Георгий не унимался:

— Через Третий Цех пойдешь?

— А что — ты знаешь другую дорогу?

— А ты знаешь, что там случилось тридцать лет назад?

Женя тяжело вздохнула и закатила глаза. Началось! Она ушла бы, но нужно дождаться лифта.

А Георгий не хотел лишиться себя удовольствия, рассказать ужастик вроде тех, что рассказывают перед сном друг другу дети.

— Один инженер-ботаник задержался после конца смены, что-то ему надо было то ли проверить, то ли измерить, и уронил в чан с кислотой очки. Попытался достать их, наклонился над чаном, у него от испарений закружилась голова, и он — бултых! Так от него — представляешь — через пять минут ничего не осталось. Совсем ничего! Но с тех пор каждый вечер его призрак появляется в Третьем Цехе, ходит по цеху и повторяет: «Где мои очки?! Где мои очки?!»

Женя слышала эту историю уже десятки раз, причем в самых разных вариантах, но Георгий последние слова произнес очень артистично, с жуткими подвываниями, так что у Жени озноб пробежал по спине. Чего этот тип и добивался.

К счастью, в это время подошел лифт, и Женя шагнула вперед.

Она спустилась на первый этаж, прошла по пустому полутемному коридору, толкнула железную дверь.

Дверь отворилась с громким надрывным скрипом. Точнее, даже стоном. Тоскливым, унылым, душераздирающим. Но открылась не до конца — что-то ей мешало.

Третий Цех.

Женя протиснулась внутрь, протащила тележку, пошла вперед, стараясь не поднимать глаза и не отклоняться от узкой тропинки, проторенной между старыми, ломаными станками и пустыми фанерными ящиками.

Ей казалось, что она идет по заколдованному лесу, где за каждым деревом таится что-то зага-

дочное и опасное, где из-за каждого куста за ней следит чей-то враждебный взгляд, и не дай бог сойти с тропинки — тут же тебя схватят липкие руки...

Но тут справа раздался едва слышный шорох, и она не выдержала, подняла глаза, посмотрела в направлении этого звука, хоть и знала, что этого не нужно делать.

Ничего, конечно, не увидела, кроме груды полуистлевшей бумаги, но на всякий случай тихонько произнесла:

— Это я! Ты как здесь?

В ответ в углу снова что-то зашуршало.

«Может быть, это просто кошка?! — подумала Женя. — Ну или крыса... тоже, конечно, неприятно».

Шорох не прекратился, более того — из угла доносился едва слышный шепот.

Едва слышный, невнятный — но Жене показалось, что она разобрала в этом шепоте различимое слово:

— Пос-спеш-ши...

Женя закусила нижнюю губу, дошла до знакомого ящика, положила на него заранее припасенную конфетку, снова опустила глаза и пошла дальше.

Она каждый раз оставляла на этом ящике какое-нибудь небогатое приношение — конфету, пирожок из ближней пекарни, бутерброд с сыром... ей казалось, что таким образом она наладит отношения с таинственным обитателем Третьего Цеха.

Может быть, даже подружится с ним. Но все равно ей было страшно.

Потому что на самом деле она понимала, что все это плод ее воображения, что на самом деле никто не верит, что в Третьем Цехе водится привидение. Ну как можно в двадцать первом веке верить в привидения? Это же не Средневековье замшелое... А дурак Георгий просто пугает ее, причем только ее, поскольку больше никто давно уже не ведется на его байки.

Но что Женя может поделывать, если ей действительно страшно? И она придумала такой нехитрый ритуал. Как будто она верит в того, кто обитает в Третьем Цехе, кто бы он ни был. И каждый раз она оставляла ему гостинец в знак дружбы. И, разумеется, никому и никогда об этом не рассказывает, еще не хватало, засмеют ведь совсем... Так что пускай это будет их общий секрет.

До следующей двери оставалось совсем недалеко, может быть, шагов десять, но тут справа от тропинки снова раздался шорох. Женя опасливо вскинула взгляд...

И застыла на месте, как громом пораженная.

На сером бетонном полу, на пяточке свободного места между громоздким прессом и грудой ржавых деталей лежал человек. То есть не живой человек, а труп. Труп мужчины лет сорока, с темными, с проседью волосами.

Он был, несомненно, мертв — открытые, близко посаженные, обращенные к потолку глаза были затянuty мутной бессмысленной пленкой, голова

повернута под немыслимым, невозможным углом. Правую бровь пересекал старый белесый шрам.

— Мама! — пискнула Женя, похолодев от ужаса, и стрелой кинулась вперед.

В секунду она добежала до второй двери, толкнула ее, вылетела в коридор, пробежала еще пару десятков метров и остановилась перед дверью склада, перевела дыхание.

Так. Главное — успокоиться... главное — взять себя в руки... чтобы никто не заметил, в каком она состоянии...

Она толкнула дверь, вошла на склад.

И нос к носу столкнулась с Валентиной.

Валентина, их кладовщица, была женщина язвительная и вредная. Ей ничто не доставляло такого удовольствия, как чужой испуг и растерянность. Крупная, плечистая, с круглым красным лицом, она стояла напротив двери, уперев руки в бока.

— Там... — выпалила Женя, безуспешно ловя воздух ртом, — там, в Третьем Цехе...

Она не смогла договорить, ей не хватило воздуха — да Валентина и не ждала от нее ничего внятного и членораздельного. Она наслаждалась ее ужасом.

— А что это на тебе лица нет? — проговорила она насмешливо. — Ты что, привидение встретила?

— Никого я не встретила! — выпалила Женя.

Ей не хотелось подыгрывать Валентине. Не хотелось доставлять ей такое удовольствие. И от

этого чувства она даже пришла в себя и немного успокоилась. Во всяком случае, сердце перестало колотиться где-то у горла, и руки не дрожали.

— Точно не встретила? — недоверчиво переспросила кладовщица. — Может, видела ту девчонку?

— Ка... какую девчонку? — против своего желания переспросила Женя. — Почему девчонку?

Она хотела рассказать о мертвеце, которого видела в Третьем Цехе, но насмешливый голос и ехидный взгляд Валентины отбили у нее всякую охоту. Лучше бы рассказать кому-нибудь другому... или вообще промолчать... пусть уж кто-нибудь другой...

— Что — не знаешь? Ты ведь через Третий Цех шла?

— Конечно, через третий, — Женя быстро взглянула на кладовщицу. Та явно наслаждалась ее страхом, и Женя мысленно поклялась, что не даст слабину. — Ну да, через Третий, — повторила она твердо. — Будто ты не знаешь, что здесь нет другого пути.

Другой путь вообще-то был. Можно было выйти из склада на улицу и снова войти в здание через главный вход, но для этого пришлось бы каждый раз оформлять пропуск на все книги и бумаги, которые везешь со склада. А кто же его оформит, если можно пройти внутри здания? Вот и приходилось идти через Третий Цех...

— А ты что — разве не знаешь, какая история случилась в Третьем Цехе сорок лет назад?

— Сорок? — переспросила Женя. — Разве не тридцать?

— Сорок, я точно знаю! В Третьем Цехе работала одна девчонка, лет двадцати. То есть, когда она устраивалась, она себя выдала за парня. Потому что здесь было вредное производство, и женщин на него не брали. Зато платили очень хорошо. И еще молоко выдавали за вредность. В общем, предъявила она документы своего хахаля, они на лицо были немножко похожи, только у нее волосы длинные, так она их заколола гребенкой и спрятала под шапку...

Валентина сделала паузу, взглянула на Женю, чтобы убедиться, что та слушает, и продолжила:

— А потом, когда она работала на прессе, шапку сняла, потому что жарко, а гребенка выпала, и волосы длинные распустились, и их затянуло в пресс. Она, конечно, попыталась остановить пресс, выключить мотор, но не смогла дотянуться до рубильника... в общем, ей голову оторвало. Хрясь — и нету!

— О господи! — не выдержала Женя. И увидела, как круглое лицо Валентины еще больше расплылось от удовольствия.

— Все вокруг кровью залило! — продолжала она, смакуя подробности. — Месяц не могли отмыть! Да что месяц! Еще несколько лет эта кровь на полу проступала! Чем только не отмывали! А призрак той девчонки с тех пор каждый вечер появляется в Третьем Цехе, ходит и повторяет: «Где моя гребенка? Где моя гребенка? Отдайте мою гребенку!» —

последние слова Валентина проговорила так артистично, что у Жени снова перехватило дыхание.

— Ладно, ты зачем пришла? — Валентина получила свою порцию удовольствия и успокоилась.

— Две пачки номера семьсот четыре! — выпалила Женя, радуясь возможности сменить тему.

— Семьсот четвертая — это у нас здесь... — Валентина пошла в угол, легко подхватила две пачки, уложила их в Женину тележку. — Только две пачки? Может, больше? Чтобы лишний раз не ходить? — Валентина ухмыльнулась.

— Только две, — Женя опасливо покосилась на дверь. Ей хотелось скорее уйти от Валентины, но страшно было снова идти через Третий Цех, страшно было снова увидеть труп.

Однако делать нечего. Она собрала волю в кулак и покатила тележку обратно к двери.

Прошла по коридору, остановилась перед дверью Третьего Цеха... набрала в грудь воздуха, закусила губу, толкнула дверь и решительно вошла в цех.

Только не смотреть туда... туда, где лежало это... этот...

Все было напрасно. Глаза сами уставились на то место, где она видела труп.

И что?

И ничего.

Трупа на прежнем месте не было.

Женя повертела головой.

Может быть, он лежал не здесь, а чуть правее или левее? Да нет, у нее в мозгу отчетливо отпечаталась эта картина — он лежал именно здесь, меж-

ду грудой ржавых железяк и сломанным прессом. Она запомнила даже темное пятно на полу... вот оно, это пятно. А труп нет.

Что же это — ей все померещилось? Привиделось? Может, у нее от страха начались галлюцинации? Или это и есть тот самый призрак, о котором все рассказывают с таким сладким ужасом?

Или тот человек не был мертв, а только потерял сознание, а потом пришел в себя, встал и ушел?

Нет, Женя была твердо уверена, что он был мертв.

Не бывает у живых таких мутных, пустых глаз... и такого безумного поворота шеи не бывает...

Так что же это было?

Женя подняла голову, внимательно огляделась, повторила вслух, хотя и негромко:

— Что это было?

И снова, как прошлый раз, из-за груды ржавых деталей донесся едва слышный шепот:

— Не с-спеш-ши...

Но она не послушалась этого шепота, она устремилась вперед, к двери... но по дороге не удержалась, бросила мимолетный взгляд на ящик, где оставила свое скромное приношение.

Конфетки не было. То есть на прежнем месте лежал пустой фантик. Значит, *он* принял ее приношение... Конфету съел, а фантик оставил.

Женя машинально схватила фантик, и почувствовала, что он не пустой, что в нем что-то завернуто. Значит, тот, кто живет в Третьем Цехе, не принял ее угощение? Как странно...

Женя почувствовала, что, если она останется здесь еще чуть-чуть, у нее просто съедет крыша. Нет, нужно искать другую работу... так она долго не выдержит...

Она хотела выбросить фантик, но тут он сам собой развернулся, и на Жениной ладони оказалась странная вещь. Довольно тяжелая, сверху была плотная бомбошка из твердого темного дерева, а под ней...

Женя перевернула эту штуку и сразу поняла, что она очень старая, потому что ручка была отполирована прикосновениями множества рук. Под бомбошкой был такой кругляшок, судя по тяжести, металлический, скорее всего бронзовый, потемневший, старый... а на нем... на нем были вырезаны какие-то разводы, сложный орнамент из переплетающихся линий, может быть, из диковинных, экзотических растений. А может, Жене так показалось, поскольку, когда она снова посмотрела, то на кругляшке были уже какие-то вензеля.

На что это похоже? Женя покрутила вещицу так и этак. Да это же печать! Ну да, старинная печать, а уж как она сюда попала... В этом цеху работали когда-то старые печатные станки, так, может...

Женя отогнала от себя неуютную мысль, что печать-то могла валяться здесь хоть сто лет, но вот кто завернул ее в фантик от конфеты? От ее конфеты...

— Что это такое? — спросила Женя, оглянувшись. — Зачем ты мне это дал?